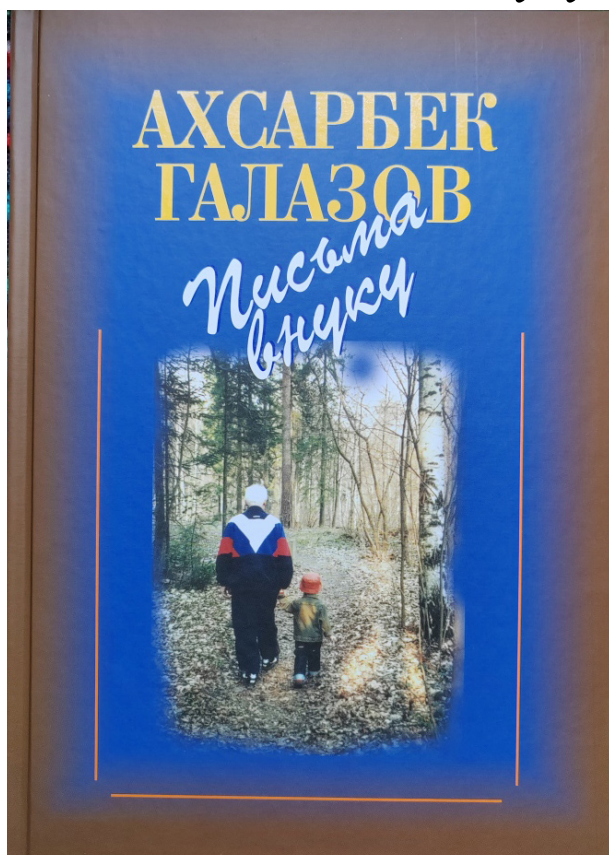

Ирлан Хугаев

О «Письмах внуку» Ахсарбека Галазова

Для меня было большой честью участвовать в подготовке этого издания, и я благодарю Аслана Ахсарбековича Галазова за оказанное мне доверие. Думаю, эта книга состоялась во всех отношениях, в том числе и в смысле оформления, о чем свидетельствует ее успех у нашего читателя.

Сначала поставлю несколько вопросов, чтобы прояснить филологический контекст литературного явления. С чем мы имеем дело?.. Очевидно, «Письма внуку» Ахсарбека Галазова – это не что иное, как образец эпистолярной литературы, жанра, в котором используется форма «писем» или «посланий».

Теоретически различаются два типа эпистол: собственно письма и письма как композиционно-стилистический метод. В первом случае письмо – это документ, написанный реальным человеком к реальному адресату по поводу реальных событий, во втором случае эта «реальность» не обязательна, письма могут писаться вымышленным героем к вымышленному адресату по поводу вымышленных событий.

Эпистолярное наследие в том или ином качестве оставили нам все видные политики, ученые и писатели. Прекрасными образцами индивидуального стиля в личной переписке являются письма Рабле, Лессинга, Лафатера, Шиллера, Гете, Шо-

пена, Достоевского, Толстого, Горького, Чехова, Андреева. В осетинской культуре видное место занимают письма Коста Хетагурова, Блашка Гурджибекова, Васо Абаева, Гриса Плиева.

Что касается формы письма как литературного приема, то в этом качестве можно вспомнить «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки (I в. н. э.), «Письма русского путешественника» Николая Карамзина (1791), фантастическую повесть «4338-й год: Петербургские письма» Владимира Одоевского (1835), роман в письмах «Бедные люди» Федора Достоевского (1845), цикл наставлений «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» святителя Феофана Затворника (1878), рассказ «Нежность» Анри Барбюса (1912), «Мэйл. ру. Ироикомическая сюита в письмах» Марины Саввиных (2004).

И вот теперь у нас есть «Письма внуку» Ахсарбека Галазова (2010).

Эти письма отвечают обоим указанным тут пониманиям «эпистолярной литературы». Каждое из писем оформлено как отдельное короткое послание, но они тем не менее образуют цельный цикл или метатекст. Эпистолярный жанр здесь выражается и как естественная форма личного письма конкретному реальному адресату, и как литературный прием, благодаря которому реализуется отвлеченная от места и времени художественная задача. Это и настоящие частные письма, и эпистолярная форма одновременно. Это своего рода повесть-хроника в 22 главах, где главы представлены в виде писем. То есть, как говорит Аслан Галазов в своем «Предисловии», «Письма» неприметно оборачиваются повестью о маленьком мальчике, который жил в селе Хумалаг в далекие 30-е годы прошлого века».

Еще один, ввиду этой главной темы «Писем», теоретический вопрос: являются ли «Письма» А.Х. Галазова детской литературой? Автор «Предисловия» говорит, что они написаны «на вырост». Это очень точно. Но я бы еще уточнил: это и детская литература, и взрослая литература. Детскую литературу лучше всего понимают взрослые. Детям хорошая детская литература помогает становиться взрослыми, а взрослым детская литература помогает стать детьми.

Следует также указать, что это не только эпистолярная, но и мемуарная, публицистическая и дидактическая литература. В своих письмах автор рассказывает внуку, 11-летнему мальчику, о своем детстве, о временах, когда он был такого же возраста, как его адресат. И эти воспоминания перемежаются с рассуждениями о нравственных вопросах. «По большому счету, – говорит Аслан Галазов, – "Письма" рассказывают о том, "что такое хорошо и что такое плохо". О том, что такое истинные, непреходящие ценности человеческого бытия, а что – лишь внешний блеск, обман зрения и ума. И, на-

верное, такой дидактической литературы сегодня не хватает».

Аслан Галазов точно формулирует мотивы издания этой книги. Но каковы были мотивы ее написания? Каков главный импульс, основной, приводящий в движение все сюжеты и все размышления, внутренний конфликт этой книги? Думаю, это конфликт, выражаясь по-грибоедовски, между «веком минувшим и веком нынешним». Вот самое начало книги: «19 апреля 2010 года. Здравствуй, мой дорогой друг! Спасибо, что пришел навестить меня. Ты знаешь, что я привык к активной жизни, поэтому находиться в больнице для меня – самая настоящая пытка. Вчера ты показывал мне чудеса техники в своем телефоне, а я удивлялся – и «чудесам», и тому, с какой легкостью ты все это осваиваешь. Твое и мое детство разделяет расстояние в 71 год. В моем детстве были чудеса совершенно иного свойства: они были связаны не с техникой, а с природой, с животными и, конечно, с человеком. Честно скажу тебе, что мне и сейчас цыпленок, вылупившийся из яйца, кажется большим чудом, чем твой телефон. Почему я тебе об этом говорю? В ваш век компьютеров, Интернета, бурного развития электронной техники, электронных игр померкли живые краски жизни. Человек оторвался от своих корней, от природы. Радость жизни и непосредственного общения человека с другими людьми, с природой сменило сомнительное удовольствие нахождения в виртуальном, искусственном мире. Человек, создавший этот виртуальный мир, глобальную информационную систему под названием Интернет, в результате стал рабом собственного творения, рабом созданных им машин» (Письмо 1).

То есть в этой книге ставятся вопросы соотношения понятий культуры и цивилизации, традиционных гуманистических ценностей и технического прогресса, нравственности и образованности.

Автор, конечно, не ретроград. Он восхищается достижениями человеческого разума, но его тревожит то, что, как он замечает, «...в процессе этого вполне естественного и необходимого технического развития человек постепенно сделал технический прогресс самоцелью, растворился в нем и совершенно забыл о духовном и нравственном развитии. А потерю человеческих качеств, живое общение с людьми, чувство человеческой солидарности – никакие гаджеты и другие высокотехнологичные игрушки заменить не могут» (Письмо 8).

Вот об этих человеческих качествах, о живом общении человека с человеком и чувстве человеческой солидарности в труде и в бою, о подлинной красоте человека, о чести и человеческом достоинстве и рассказывают «Письма» Ахсарбека Галазова. А материалом ему, естественно, служит родной осетинский быт – и это уже по преимуществу то, что относится к образному и документально-художественному содержанию «Писем».

Уже в мемуарах «Пережитое» Ахсарбек Галазов проявил талант в воссоздании живого портрета со-

временника, в описании психологической атмосферы той или иной ситуации. Позволю себе упомянуть здесь своего отца, Сергея Хугаева, который читал обе книги Ахсарбека Галазова с большим интересом и оценивает их довольно высоко. В «Письмах» мы встречаем множество образов современников автора, сверстников и представителей старшего поколения, среди которых есть и известные всем люди (Саламджери Кокаев, Дмитрий Касабиев, Иван Дзилихов, Николай Гусалов и др.), родственников и соседей автора, – и все они написаны с простотой и достоверностью, свидетельствующей о любви и почтительности.

Но вот собирательный портрет старшего поколения, который я нахожу по-настоящему живописным: «Я помню стариков времен моего детства, – пишет автор в 15-м письме. – Они и сегодня как живые встают перед глазами: Мацко Бзыков, Агша и Азе Акоевы, Налык Басаев, Дзю Кудзиев, мой дедушка Камболат Ходов... Это только несколько имен с нашей улицы. Но сколько их было по всему большому селению Хумалаг – благородных, по-царски величественных, подтянутых старших мужчин. В красивых черкесках разного цвета, подпоясанных кавказскими узкими наборными поясами, на которых красовались по традиции кинжалы в черных кожаных ножнах, украшенных серебряной отделкой, они шли к месту торжества или поминальной трапезы спокойно, но уверенно, слегка опираясь на посохи. Это было захватывающее зрелище. И на всем пути их следования люди вставали и с почтением кланялись им. За ними как верные ординарцы следовали юноши, которые были обязаны оберегать их весь день вплоть до возвращения домой и отхода ко сну» (Письмо 15). «Хотя они были людьми малограмотными, – пишет Ахсарбек Хаджимурзаевич в другом месте, – уровень их культуры, нравственности, понимания жизни был очень высоким. Ни ученые степени и звания, обладателями которых стали люди моего поколения, ни современное развитие глобальной информационной системы не могут заменить того внутреннего нравственного богатства, которым обладали эти старшие» (Письмо 6).

«Письма» воспроизводят старую добрую Осетию, забытую или вовсе неведомую для молодого поколения органику бытия, в связи с которой автор «Писем» цитирует своего старого друга, Фазила Искандера: «Мудрость – это ум, настоящий на совесть»; «Совесть – это разум души».

А.Х. Галазов, как известно, был педагог, имел степень кандидата педагогических наук. Воспитательное наклонение его «Писем» не навязчиво, но все же очевидно. Главное же в том, что автор по преимуществу изображает себя в роли ученика, а не учителя. В «Письмах» рассказывается много небольших историй, которые имеют притчевый, нравоучительный характер. Таковы рассказы о первой детской обиде (Письмо 5), о сработанной с дедом табуретке (Письмо 7), о деревянном пистолете ху-

малагского участкового Мулдара (Письмо 11), о футбольном мяче – «царском подарке» Налыка Басаева (Письма 12-13), о зиу и приемном сыне одинокой вдовы Боттоли (Письмо 14), о мальчишках-воришках, рвавших фрукты в доме Галазовых (Письмо 16), об аресте отца Ахсарбека, Хаджимурза Ильясовича, и письмах десятилетнего Ахсарбека на имя руководителей партии и государства (Письмо 19), о злосчастных коровах Агша Акоева и семьи Цараховых (Письмо 21), о красноармейцах Микеле и Осипе, с которыми во время заготовки дров 11-летний Ахсарбек попал под обстрел немецкого истребителя (Письмо 22).

Вот, к примеру, история с табуреткой: «Дедушка прожил долго и до последнего дня своей жизни все время был в действии, в труде. Все он делал размеренно, не спеша, добротнo, никогда не суетился, но все успевал сделать ко времени и качественно. (...) Часто доброй похвалой даже за незначительную помощь поощрял мои усилия быть в доме чем-то полезным. Мне нравилось быть рядом с ним, наблюдать за его работой, оказывать ему помощь. А какая это была помощь? Скорее всего, его поручения, которые я выполнял, помогали не ему, а давали мне возможность постепенно осваивать труд и в труде находить удовольствие."Баппу, – как-то обратился он ко мне в самый интересный момент моей игры, – подай мне молоток, что-то не найду я его". Молоток я быстро нашел, потому что он лежал рядом с изделием, над которым трудился дедушка. Передал я его ему с чувством выполненного долга и даже с некоторым упреком: "Бабзе, как же ты не мог его найти, если он лежал рядом с тобой?" – "Правда? Стар стал, совсем уже плохо вижу", – хитро ухмыляясь, сказал дедушка и отпустил меня заниматься своей игрой. Через минут пять снова позвал: "Баппу! Сегодня мы с тобой потрудились на славу. Видишь, какую красивую прочную табуретку мы изготовили для твоей любимой бабушки. Вот будет довольна, что у нее растет такой мастеровитый внук". – "Бабзе, но табуретку-то ты делал. Я-то тут при чем?" – "Э, дорогой, мы вместе делали. Если бы ты не помог мне найти этот запропащившийся молоток, чем бы я гвозди забивал? А без них бы табуретка сразу развалилась. А теперь, баппу, помоги мне все отнести на свои места". Я уже знал эти места, и с удовольствием, гордый своей полезностью для деда, вернул на свои места и ножовку, и молоток, и ящичек с гвоздями."Бузныг, баппу! Теперь так: пока я уберу стружки, щепки, мусор, ты отнеси табуретку бабушке и передай ей как наш общий с тобой подарок". Я так и поступил. Бабушка приняла подарок, расцеловала меня, расхвалила на все лады, но не обошла своим вниманием и дедушку: "Вот упрямый, безжалостный старик! Не дал он тебе наиграться, заставил работать..." – "Ну что ты, Готта, я сам его упросил. Без меня ему было бы трудно найти свои инструменты, а без них

нельзя было смастерить табуретку". – "Ладно, моя радость. Если тебе на самом деле было интересно с ним работать, то и мне хорошо. А впрочем, хитрецы вы оба: иу уæ рувас у, иннæ та йæ къæдзил "1» (Письмо 7).

Видите, какая тут вскрывается добрая круговая порука? Истинно, хитрый и мудрый дед Бабзе. Мудрый хитрит ради всеобщего блага.

За всеми частными картинками и зарисовками жизни встает в «Письмах» образ Родины – и большой, и малой: «Цы обауыл лæууыс, уый нымай хæхтæй бæрзонддæр², – пишет автор, – ...оглядываясь на весь пройденный жизненный путь, (...) признаюсь тебе: в мире для меня были и остаются самыми дорогими и близкими Союз Советских Социалистических Республик (СССР), в Советском Союзе – Россия, в России – Осетия, в Осетии – Правобережный район, в Правобережном районе – селение Хумалаг. Я побывал в таких прекрасных городах, как Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Баку, Тбилиси, Киев, Минск, Дели, Прага, Лондон, Париж, София, Бухарест и многих других. Везде было интересно. Поражали архитектура, музеи, театры, парки, концертные площадки. Остались в памяти встречи и общение с учеными и деятелями искусства, простыми людьми. Но скажу тебе честно, по совести, дорогой друг, что для меня ни один из самых значительных и интересных из перечисленных мною городов не может сравниться по теплоте и душевности с Хумалагом; ни в одном из них, даже самом большом и значительном, я не нашел более красивых, добрых, внимательных и обаятельных людей, чем в Хумалаге» (Письмо 10). Вспоминаются слова черкесского просветителя Каламбия: «Я сам, несмотря на то, что дышал довольно долго европейским воздухом, следовательно, нахватал бездну гуманных идей, научился истинному уважению человека только здесь, в своем родном ауле».

Любовью к родине продиктованы в «Письмах» самые сокровенные пожелания адресату: «Я надеюсь, дорогой, что ты хорошо изучишь свой родной язык и обязательно на осетинском языке прочтешь и Нартские сказания, и произведения Коста Хетагурова, Сека Гадиева, Арсена Коцоева, Александра Кубалова, многих других осетинских писателей. У нас богатая литература, очень образный, емкий, красивый язык... Я поощряю твое хорошее владение русским языком, твое увлечение русской поэзией: русский – наш второй язык. Радуюсь твоим успехам в изучении английского языка. Чем больше человек знает языков, тем шире его кругозор и возможности в освоении мировой культуры. Но основой познания мира все-таки является родной язык, народная литература, родная культура, традиции своего народа. Без них человек лишается своих жизненных корней, становится похожим на сироту, получившего от общества все, но лишенного роди-

¹ Один из вас – лиса, а другой – ее хвост (осет.).

² Холм, на котором стоишь, почитай выше гор (осет.).

тельской ласки» (Письмо 6). Последняя аналогия оригинальна и очень точна.

Важно подчеркнуть, что «Письма», как бы в подтверждение последней мысли, представляют собой образец билингвальной литературы: в них довольно фрагментов, диалогов и отдельных выразительных реплик, написанных по-осетински, на осетинском воспроизведены и дедовская колыбельная и множество осетинских пословиц и поговорок: «Раттæджы къух райсæг у»; «Губынæн чысыл – зæрдæйæн бирæ»; «Махмæ уæд нæ фæг, адæммæ та – уæлдай»; «Мæгуыры мад зивæг у»; «Хистæрæн йæ фындз асæрф æмæ йæ зондæй бафæрс»³ и др.

Что касается языка и стиля «Писем внуку», то я, вслед за Асланом, тоже обратил бы внимание на простоту изложения и отсутствие каких-либо изысков и приемов, которые, кстати, особенно не любил Лев Толстой. Тут приходится констатировать, что когда человеку есть что сказать, то вопрос «как» зачастую решается в ходе письма естественно, сам собой.

Обращает на себя внимание единство интонации и настроения «Писем»: каждое письмо написано в добром расположении духа, хотя они писались в больнице. Невольно вспоминаются слова Байрона: «Писание писем – единственный способ сочетать уединение с хорошей компанией».

Наконец, это явно не электронные письма. Так и видишь, что они написаны на бумаге, старой доброй шариковой ручкой. Здесь торжествуют забытые в наш цифровой век правила хорошего эпистолярного тона, так резко контрастирующие со стилистикой современных смс-сообщений и цифровых писем, – вот на что, по замыслу автора, должен обратить внимание их адресат. «Как много мы потеряли, перестав писать письма!» – восклицает американская писательница Лиз Карпентер. «Ушел целый пласт культуры», – констатирует Юрий Лотман.

Мы помним Ахсарбека Галазова как большого государственного человека. Сегодня он предстает перед нами как писатель. Это, может быть, не великий вклад, но это несомненный вклад в осетинскую

русскоязычную литературу в своем жанре. И потом, не следует забывать слова святителя Василия Кесарийского, который утверждал: «Не великие дела угодны Богу, а великая любовь, с какою они делаются. Нет ничего великого, когда любят мало, и нет ничего малого, когда любят много».

Образ автора «Писем» подкупает и трогает. Прежде всего, его деликатность и внимательность к юному адресату. Он часто просит у него прощения и обращается к нему словом «друг»: «Прости, друг», – говорит он. Или: «Устал, наверное, от меня?.. Отдохни, дорогой». Или: «Я знаю, что ты приболел... Поправляйся, мой друг, и не сердись на своего деда за его длинные рассказы». Ахсарбек беседует с Азаматом, как с равным. Верно, это дидактическая литература, но дидактизм здесь свободен от назидательности. Тем более что автор не только объясняет жизнь, но и рисует ее.

Опосредованно создается здесь и образ адресата, о котором можно с достоверностью утверждать, что коль скоро эти «Письма» написаны, то их адресат несомненно их достоин; от души желаем ему, чтобы он, взрослея, снова и снова перечитывал с трепетом и любовью это священное дедовское преданье.

Заканчивается преданье словами, тоже исполненными мудрости и смирения: «Скоро мы увидимся. Ты расскажешь мне о своих делах, успехах в учебе, новых достижениях прогресса, а я в ответ, возможно, расскажу тебе еще несколько историй о событиях и героях прошлого. Если ты, дорогой Азамат, нашел в том, о чем я тебе рассказывал в своих письмах, что-нибудь нужное для себя, бери это с собой в жизненную дорогу, а ненужное – забудь» (Письмо 22).

А.Х. Галазов был великодушный человек. Будучи ректором СОГУ, он читал у нас на филфаке лекции по педагогике. Заставая нас, студентов, курящими под лестницей на филфаке, он отводил взгляд и проходил молча. Чтобы не смущать нас, наверное. И в этом отведенном взгляде мы чувствовали настоящий, действенный упрек.

В чем-то подобна этому взгляду и его книга.

³ Рука дающего не оскудеет; желудку [пусть будет] мало – сердцу много; у нас пусть будет в достатке, а у людей – в избытке; лень – мать бедности; старшему вытри нос и попроси у него совета (осет.).